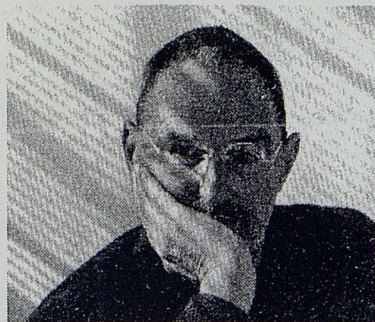

Новая американская мечта

Том Мейн стал лауреатом Притцкеровской премии

премия архитектура

Коммурайт - 2005 - 22 марта - с 24

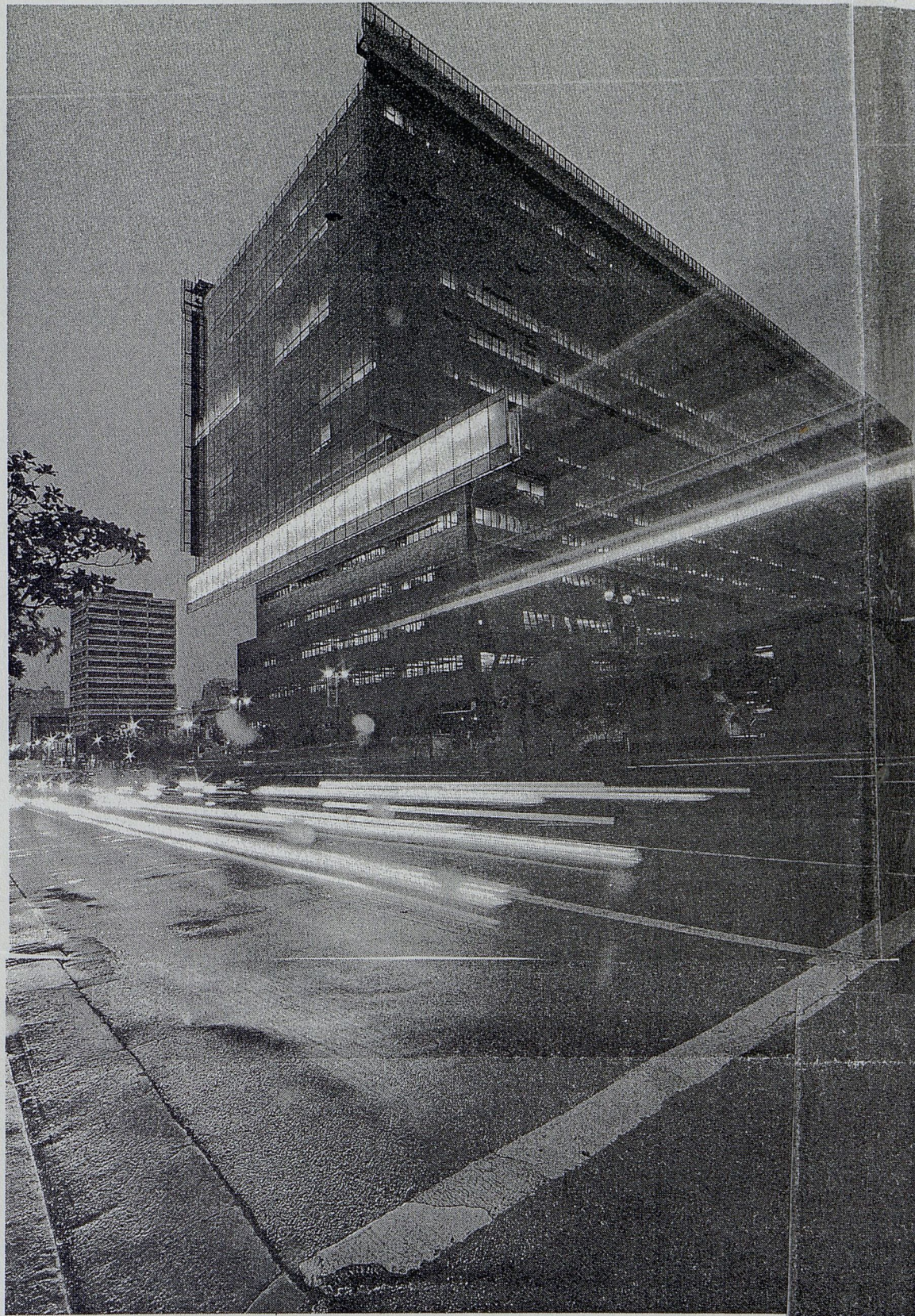
Объявлено имя очередного лауреата Притцкеровской премии (архитектурной Нобелевки). Им стал 61-летний архитектор из Лос-Анджелеса, основатель группы «Морфозис» Том Мейн. Рассказывает ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

В 2003 году в Москву после длительного отсутствия вернулся архитектор Владислав Кирпичев и начал реализовывать программу «Архитема» — приглашать в Москву с лекциями знаменитых западных коллег. Нужно отдать должное интуиции господина Кирпичева: первым приехал Том Мейн, а второй — Заха Хадид. Заха Хадид стала прошлогодним лауреатом Притцкера, а Том Мейн победил в этом году. Суховатый короткостриженный брюнет с седой щетиной и в характерных архитектурских крупных очках, моду на которые ввел Ле Корбюзье, был представлен как «туру современной архитектуры» и как туру себя и вел — был в достаточной степени теоретичен, отчасти таинственен и в должной мере ощущал себя пророком. Тем не менее в нем было чье-то отличие от других, европей-

их, звезд архитектуры, которые появляются в последнее время. Он как-то меньше озабочен проблемами социальной ответственности архитектора, он не такой левый, как они, и, если можно так сказать, про столь величественную фигуру, как-то наивно позитивен. Объясняется это просто — он американец, но это простое объяснение приводит к нетривиальным творческим следствиям.

Том Мейн, а точнее возглавляемая им группа «Морфозис», — один из основателей деконструктивизма в архитектуре. Деконструктивизм при этом довольно четко делится на европейский и американский. У европейцев — Бернарда Чуми, Вольфа Прикса, Гюнтера Доминига — в идее деконструктивизма есть некий протест, это архитектура демонтажа, разрушения, распада модернизма 60–70-х годов. У американцев никакой идеи противостояния с модернизмом нет. Они развиваются из другого источника.

Три главных лидера американской деконструкции — Фрэнк Гери, Том Мейн и Эрик Мосс — работают в одном городе, Лос-Андже-

Юри Притцкеровской премии сочло главной заслугой 61-летнего Тома Мейна создание архитектурного «отражает культуру Северной Калифорнии» (на снимке одно из зданий лауреата в Лос-Анджелесе) ФОТО

се. Городе крайне специфическом. Бывают города без центра, развившиеся из слияния нескольких поселков, и Лос-Анджелес как раз такой, но только с поправкой на то, что эти поселки выросли вокруг тех двух десятков киностудий, которые составляют Голливуд.

Представьте себе, скажем, зады киностудии «Мосфильм». Какие-то

сарай, гаражи, заборы из металла и из сетки, стоянки, будки, рельсы — типовой индустриальный пейзаж. А теперь представьте, что это стало центром очень богатого города. То есть все примерно то же самое, только любая металлическая поверхность — хромированная и сияет, любая стенка сдвигается и раздвигается, любое стек-

ло — поляризованное, и все это управляется компьютером. Добавьте к этому высокотехнологичному хаосу идеальный климат, океан и город, в котором за жизни создается особая атмосфера. Голливуд, то есть, особого стремления к протестности не наблюдается. Ну и еще, пожалуй, прибав-

передвигаются тут только на машинах, если вы идете пешком, то к вам может подъехать полисмен, и начать выяснять, что с вами случилось, и вообще-то атмосферу города лучше всего передает боевик Марка Гордона «Скорость».

В своем очерке о Лос-Анджелесе Владимир Паперный очень интересно рассказывает, как в 70-е годы здесь как-то сам собой начал развиваться новый авангард, некое новое авангардное самоощущение, которое было связано не столько с европейским «отречением от старого мира», которого у них и не было, сколько с послехипповским «пусть растут все цветы». Отсутствие центра, отсутствие истории, дух кино как градообразующий фактор Лос-Анджелеса осознал не как проблему недостатка чего-то, а как достоинство свободы от отягчающих обстоятельств. Это был, наверное, самый органический и самый позитивный авангард из всех случившихся. Том Мейн как раз в этот момент и создает свою группу «Морфозис». Его архитектура кажется именно выражением любви к хаосу, который тебя захватывает и несет, причем эта любовь вполне материальна — хаос сделан из очень дорогих высокотехнологичных материалов и полностью компьютеризован, в него вложено очень много денег. У него нет ни одной прямой стены, у него никогда не понятно, где уже закончилась улица и начался интерьер здания, он разрывает и выворачивает наизнанку любой объем, а потом прошивает разрывы и выверты стяжками из великолепных металлоконструкций. Это довольно специфическое ощущение пространства, но любой человек, посещавший когда-либо парк аттракционов, вполне с ним знаком. Это жизнь как сплошной авангардный аттракцион.

В общем, американская Притцкеровская премия наконец нашла американского героя. Премия эта по замыслу всемирная, и надо отдать должное жюри, американцам ее присуждают довольно редко. Предыдущим американским лауреатом был сосед Тома Мейна по Лос-Анджелесу и его друг Фрэнк Гери (он, кстати, был в этом году и членом жюри), а в промежутке между ними премия уходила в самые разные страны, вплоть до Новой Зеландии, где в позапрошлом году был награжден никому не известный архитектор Глен Меркат. Теперь же она, что называется, вернулась на родину. И надо сказать, в правильное место, потому что если в современной американской архитектуре и есть что-нибудь интересное, то это лос-анджелесская школа.